

Российская преступность как объект изучения

Есть три научных подхода к проблеме криминальной составляющей в бизнес-сообществе современной России.

Первый (традиционно-юридический) рассматривает чуть ли не весь бизнес как криминалитет (форму организованной преступности), выводя его из советского времени как прямое продолжение так называемого незаконного предпринимательства (цеховики прежде всего), фактически игнорируя смену экономической формации, то есть завуалированно рассматривает весь новый экономический уклад как криминогенный.

Если же говорить о публицистике, то достаточно обратиться к материалам «Советской России», любой из многочисленных ныне «Правд» или суперлиберальной (!) «Новой газеты».

Обратной стороной такого подхода являются, каким парадоксальным это ни покажется, многочисленные публикации зарубежных исследователей, основанные, в том числе, и на материалах отечественной публицистики. Основная идея такого рода исследований (больше всего англо-американской школы) состоит в том, что российский бизнес и организованная преступность одновременно выросли из преступных организаций, возникших до перестройки и многократно увеличивших свои силы в переходный период. «Жесточайшая и часто насильственная конкуренция за трофеи эпохи коммунизма породила особый пограничный персонаж, уникальную посткоммунистическую разновидность преступника... — он являет собой любопытный сплав советского истеблишмента и классического русского преступного подполья», — Стефан Хэнделман.

Российский исследователь Вадим Волков, критикуя подобный подход, справедливо отмечает: «Нетрудно заметить, что перекладывание всей вины за неудачи переходного периода на коммунистическое наследие эффективно выводит из-под критики политику шоковой терапии, ускоренную приватизацию и другие составляющие либеральных реформ, перенося вину за неудачи на все тот же ненавистный коммунистический режим». К тому же подобные рассуждения как нельзя лучше вписываются в менталитет холодной войны с его неперменным конструированием различных врагов и угроз, создавая и на этот раз новую угрозу, которая на поверку оказывается старой, поскольку, как это утверждает Стефан Хэнделман, мафия — это коммунизм, не желающий умирать. Яркий пример развития подобного подхода дает большой материал исследователя Школы международных отношений университета Джона Хопкинса Дэвида Сэттера «Три кита разрухи», опубликованный в «Независимой газете» в начале 1999 года. Особенно впечатляющи выводы автора: «...К 1997 году в стране установилась правящая криминальная олигархия... Все это привело Россию к социальной анархии и экономической нестабильности... Сегодня она находится на грани экономического краха...» Не отрицая справедливости целого ряда определений, следует отметить, что антикоммунистическая позиция исследователя автоматически становится антироссийской: «Продолжая обращаться с Россией не как с криминально руководимой страной, а как с процветающей молодой демократией, Америка вводит в заблуждение общественное мнение и делает бесполезным формирование самой демократической культуры в России... Россия... из-за своей слабости зависит от Запада в установлении рамок приемлемого... поведения в мировом сообществе... Опасность, исходящая от криминального общества, может выплеснуться далеко за ее пределы».

В рамках такого подхода Россия становится чуть ли не классическим несостоявшимся государством (в одном ряду с Сомали и Афганистаном), явно требующим прямого иностранного контроля, а то и гуманитарной «интервенции».

Второй подход (институционально-социологический) рассматривает организованную преступность как частную форму «силового предпринимательства», выделяя профессиональные страты, представители которых составили костяк так называемых охранных структур, и не делая различий между уголовниками и выходцами из милиции, например, и объединяет их по способу предпринимательства (торговля силовыми услугами, покровительством и охраной).

Характерно, что среди этой группы много исследователей из Италии и Восточной Европы, где с феноменом

мафии знакомы не понаслышке.

Наиболее значительными исследованиями в рамках этого подхода являются книги известного экономиста, проректора Высшей школы экономики Владимира Радаева и заведующего кафедрой экономической социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге Вадима Волкова. Трансакционные издержки, ставшие одной из основных тем книги первого исследователя, это «издержки, связанные с доступом к ресурсам, передачей, спецификацией и защитой прав собственности, заключением и обслуживанием деловых отношений». Автор предлагает собственную классификацию данного типа издержек, которая включает в себя, в том числе, и защиту ресурсов и прав собственности (исключение конкурентов, охрана бизнеса, поиск и отбор партнеров, заключение деловых соглашений и контроль над их соблюдением и, наконец, применение санкций). То есть так, как это происходит в настоящей, а не академической деловой жизни в современной России.

Владимир Радаев считает целесообразным поставить под более жесткий государственный контроль распространение внегосударственных силовых структур, поскольку защита бизнеса должна находиться в первую очередь в руках государства. Из «серых» сегментов рынка следует постепенно вытеснить криминальные и полукриминальные группировки.

Вадим Волков в своем исследовании практически поддерживает эти выводы: «Смысл новой, а по сути извечной политики централизации государства состоял в том, чтобы... множество локальных монополий силы или «островков власти» <объединить> в одну большую монополию, называемую государством. Но это стало задачей силовых предпринимателей, называющих себя государственниками, отличие и преимущество которых состоит в легитимности, которую они приобретают по мере решения этой задачи».

Третий подход (националистический) по преимуществу рассматривает организованные преступные группировки как диаспорально-этнические («кавказцы», «чеченцы», «азербайджанцы», «китайцы» и так далее), то есть как привнесенный элемент в традиционную русскую (славянскую) среду и чужеродный ей. Отсюда вывод – прекращение этнических миграций и этнические чистки автоматически приведут к исчезновению организованной преступности. Этот подход характерен не для научных исследований, а для массовой журналистики, но этим он и опасен, как провоцирующий массовые фобии (пример – публикации «Литературной газеты», газеты «Завтра» и прочих малотиражных националистических изданий).

При учете этих подходов, не исключая и третьего (этническая преступность в России действительно существует), необходим некий синтезный метод, основанный на конкретно-историческом знании, который автор данной статьи стремился сформулировать в ряде публикаций.

С этой точки зрения следует попытаться рассмотреть деятельность организованных преступных группировок разной направленности и этнической принадлежности в конкретном проявлении, связанном, прежде всего, с их участием в разделе собственности, придерживаясь хронологического принципа.

Проблемы «серого» сектора экономики привлекают пристальное внимание большого количества исследователей – экономистов, правоведов, социологов. В работах Владимира Радаева, Розалии Рывкиной, профессора Упсальского университета Андерса Ослунда наконец-то появляется классификация тех видов экономической деятельности, которые по разным причинам оказываются вне контроля государственных структур. Радаев приводит следующую иерархию в данном секторе: наиболее широкий круг отношений хозяйствующих субъектов, совершающих экономические трансакции, не нарушающие никаких законов – так называемая неформальная экономика; отношения между юридическими и физическими лицами, сознательно уводимые из-под контроля налоговых, статистических, лицензирующих/сертифицирующих органов (также и органов контроля качества) – собственно теневая экономика; наконец, поставка запрещенных законом товаров и услуг – криминальная экономика.

Соотношение между этими иерархическими дефинициями (заметим, что часто они перетекают друг в друга) и есть собственно показатель «здоровья» экономических отношений, силы и слабости государственного «дирижизма».

И если о проблемах неформальной и теневой экономики уже написаны научные труды, то в силу естественной закрытости криминального сектора до сих пор нет ясного понимания его объемов, соотношения с другими секторами и, главное, степени его влияния в российской экономической жизни. Профессор Андерс Ослунд, считает, что роль криминалитета в экономике России очень невелика. По его подсчетам, только три процента теневого сектора связано с деятельностью организованных преступных группировок (правда, непонятно, в каких величинах исчислены эти три процента).

Что же реально представляет собой криминальный сектор экономики? По данным специалистов НИИ МВД, годовой оборот наркотиков в России составляет приблизительно 40 миллиардов долларов, а производство и продажа алкогольных суррогатов дают более 10 миллиардов. По данным Государственного таможенного комитета, за 2000–2003 годы нелегальная заготовка и контрабанда цветных и черных металлов находилась на уровне 4 миллиардов долларов (за два года), а нелегальный отлов и контрабанда морепродуктов давали более 2,5 миллиарда. И хотя эта статистика вызывает ряд вопросов, а цифры кажутся чересчур усредненными, но порядок величин говорит о трех годовых бюджетах Российской Федерации! При том, что обороты других высокриминализованных сегментов экономики, например вторичного рынка жилья и так называемых финансово-строительных пирамид, рынка охранных услуг и контроля мелкорозничной торговли (оптовые рынки), пока вообще невозможно посчитать. По данным аналитиков Восточно-Сибирского РУБОП (Иркутск), более трети агентств по продаже недвижимости Иркутска, Братска, Ангарска и несколько десятков нотариальных контор находятся под «крышей» местных ОПГ, как и большинство оптовых рынков Иркутска и Улан-Удэ. Преступные группировки контролируют всю нелегальную торговлю мясом и шкурами КРС в Туве, а в Красноярске около половины сотрудников охранных фирм ранее состояли или сейчас состоят в ОПГ.

В 1996 году тогдашний министр внутренних дел Анатолий Куликов с думской трибуны заявил, что весь экспорт алюминия с Братского завода, крупнейшего в России, контролирует вор в законе Тюрик (он же Владимир Тюрин). «Дело Быкова» в Красноярске, «дело Ларионовых» в Приморском крае, «дело тюменской десятки» и другие, растиражированные прессой, как бы закрепляют в массовом сознании образ Сибири как некой вотчины организованных преступных группировок. Так же, как накануне выборов губернатора образ Санкт-Петербурга конструировался как образ криминальной столицы, а в 1999 году формировался имидж мэра Москвы как русского Ричарда Дейли (криминальный мэр Чикаго в 60-е годы 20 века).

В этом-то и состоит главная трудность исследования криминальной экономики, где очень трудно, а подчас и невозможно отделить реальные факты от расхожих стереотипов. Даже опора на материалы аналитических отделов спецслужб не гарантирует от ошибок, так как оперативные разработки вполне естественно остаются за грифами секретности, а организованные утечки информации в прессу преследуют нередко эгоистически-ведомственные интересы.

По нашему мнению, реальная динамика криминализации экономических отношений в России в десятилетие реформ – это попытка экспансии ОПГ в промышленность. В Сибирском регионе – прежде всего в нефтедобычу и нефтепереработку и производство цветных металлов.

Особенно быстро этот процесс происходил в 1993–1995 годах в связи с начальным этапом тотальной приватизации. В 1995–1998 годах внедрение ОПГ в промышленность региона шло более медленно, а после 17 августа 1998 года и до конца века наблюдался значительный спад влияния криминалитета. ОПГ, конечно, не смогли на равных бороться с мощными финансово-олигархическими группировками на таких ключевых промышленных комплексах, как «Норильский никель», добывающие предприятия «ЮКОСа» и «Сибнефти», черная металлургия Кузбасса, да и в алюминиевой промышленности с появлением мощных холдингов «Русский алюминий» и СУАЛ они полностью проиграли (пример – «дело Быкова» или «дело Живилло»).

В ряде наиболее продвинутых регионов Сибири процесс перераспределения собственности принял в последние годы совершенно новые черты. Было найдено взаимопонимание части олигархов с местными властными элитами, огромную роль сегодня играет административный ресурс – влияние на всех этапах власти. Неформальный арбитраж «авторитетов» сменился арбитражем губернаторским – Александра и Алексея Лебедей, Амана Тулеева и Бориса Говорина.

В одних случаях это происходило под громкие скандалы с вызовом ОМОНа и следственных бригад, в других предпочиталась подковерная борьба с использованием такого приема, как корпоративные и чиновничьи перестановки. Но стремление власти и олигархического менеджмента замкнуть на себя основные финансовые потоки и управлять ими через свои рычаги абсолютно одинаково. В этой борьбе у власти появлялись свои карманные олигархи («Истлэнд» братьев Ерощенко в Иркутской области, «Золотые ключи» Найгеля в Читинской) и стратегические партнеры (группа «Альфа» для братьев Лебедей, «Русский алюминий» для Бориса Говорина, группа «МДМ» (ныне «СУЭК») для Леонида Потапова в Бурятии).

Но следует ли из этого, что процесс передела собственности в конце 90-х замкнулся на отечественных корпорациях и региональных «баронах»? По-нашему, это не так очевидно. Продажа блокирующего пакета акций ТНК компании «Бритиш петролеум», экспансия «Норильского никеля» в США и Южную Африку и многие другие примеры свидетельствуют о продолжении процесса. В реальном секторе российской экономики появляются новые субъекты – транснациональные корпорации (некоторые из них с отечественными корнями), и их ресурсы неизмеримо значительнее, чем административно-бюрократические, о криминальных и говорить

не приходится.

Впрочем, некоторые регионы, где слияние части административной элиты, промышленного менеджмента и криминалитета было особенно тесным (Республика Тыва и Приморский край эпохи Наздратенко), в этих процессах явно запаздывали или вообще, как та же Тыва, не участвовали. И характерно, что именно они все больше шли и идут по пути депрессивного развития.

Таким образом, масштабы игры требуют уже не убогого «авторитета», даже не высокопоставленного регионального лидера. Здесь необходим «большой разводящий», опирающийся не столько на административный, сколько на собранный в единый кулак силовой ресурс.

Автор: Олег Воронин, "Иркутская губерния" © Babr24.com ОБЩЕСТВО, 👁 4528 06.04.2005, 19:37 📌 231
URL: <https://babr24.com/?ADE=20901> Bytes: 14360 / 14348 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Олег Воронин**,
"Иркутская губерния".

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)